

{ Биографии,
автобиографии,
мемуары }

Фрэнсис Скотт
ФИЦДЖЕРАЛЬД

Заметки
о моем поколении

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-44
Ф 66

Перевод с английского

АЛЕКСАНДРЫ ГЛЕБОВСКОЙ, АЛЕКСЕЯ ЗВЕРЕВА,
ЕЛЕНА КАЛЯВИНОЙ, ВЛАДИМИРА ХАРИТОНОВА,
РОСТИСЛАВА ЧЕРНОГО

Серийное оформление АНДРЕЯ РЫБАКОВА

Оформление обложки ВАЛЕРИЯ ГОРЕЛИКОВА

Издание подготовлено при участии издательства «Азбука».

ISBN 978-5-389-08828-3

- © А. В. Глебовская, перевод, 2019
- © А. М. Зверев (наследники), перевод, 2019
- © Е. Ю. Калявина, перевод, 2019
- © В. А. Харитонов (наследники), Р. Б. Черный, перевод, 1984
- © А. Б. Гузман, примечания, 2019
- © Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2019
Издательство КоЛибри®

Отзвуки Века Джаза

Кто есть кто — и почему¹

История моей жизни — это история непрекращающейся борьбы между желанием писать и стечениями обстоятельств, стремившихся мне в этом воспрепятствовать.

Лет в двенадцать, когда я еще жил в Сент-Поле, я писал на всех уроках — на обороте учебников географии и латинского языка для начинающих, на полях справочников, таблиц и задачников. Через два года на семейном совете было решено, что существует единственный способ заставить меня учиться: отправить в частную школу-интернат. Тут они допустили промах. Интернат отвлек меня от писательства. Я решил, что буду играть в футбол, курить, поступлю в колледж и вообще стану заниматься всяческой ерундой, не имеющей ни малейшего отношения к главному в жизни — каковое, понятное дело, состояло в правильном сочетании диалогов и описаний в рассказах.

Впрочем, в новой школе у меня появилось новое увлечение. Я посмотрел музыкальную комедию «Квакерша», и с того дня мой письменный стол ломился от либретто Гилберта и Салливана и десятков тетрадей, в которых роились микробы десятков музыкальных комедий.

¹ Эссе «Who's Who — and Why» опубликовано в журнале «The Saturday Evening Post» в сентябре 1920 г.

К концу последнего школьного года я наткнулся на совершенно новенькое либретто, которое лежало на крышке рояля. Спектакль назывался «Его сиятельство султан», на титульном листе было написано, что комедию собираются поставить в клубе «Треугольник» Принстонского университета.

Этого мне оказалось достаточно. Вопрос, в какой университет поступать, был решен. Принстон — и ничего другого.

Весь первый учебный год я посвятил написанию оперетты для клуба «Треугольник». В результате я провалил экзамены по алгебре, тригонометрии, начертательной геометрии и гигиене. Однако клуб «Треугольник» принял либретто к постановке, а прозанимавшись весь душный август с репетиторами, я умудрился удержаться в университете и на следующий год, а еще мне дали роль хористки. Потом разразилась катастрофа. У меня начались серьезные неприятности со здоровьем, в декабре пришлось оставить занятия и двинуться для поправки на Запад. Последнее, почитай, воспоминание перед отъездом было следующее: я пишу последний номер для новой постановки «Треугольника», лежа в постели в изоляторе с высокой температурой.

На следующий учебный год, 1916/17-й, я вернулся к занятиям, но благополучно успел возомнить, что единственная стоящая вещь на свете — это поэзия, оттого в голове у меня звенели строфы Суинберна и страхи Руперта Брука, и всю весну я ночи напролет производил на свет сонеты, баллады и рондели. Я где-то прочитал, что поэт не может считаться по-настоящему великим, если до двадцати одного года не напишет ни одного великого стихотворения. У меня оставался лишь год в запасе, а помимо прочего, мне того и гляди предстояло уйти на войну. Прежде чем сгинуть на фронте, я должен опубликовать хотя бы один сборник бесподобных стихов.

К осени я оказался в учебном лагере офицеров-пехотинцев в Форт-Ливенворте, успел бросить поэзию и загореться свежей идеей — теперь я сочинял бессмертный роман. Каждый вечер, припрятав блокнот под «Простые задачи для пехоты», я абзац за абзацем переносил на бумагу несколько отретушированную ленточку своей жизни и своего воображения. Вчерне были закончены двадцать две главы, четыре из них — в стихах; две главы

были готовы полностью; после этого меня засекли и унасекомили. Писать во время учебы стало нельзя.

Осложнение было существенным. Жить мне оставалось три месяца — в те дни все пехотные офицеры считали, что жить им осталось три месяца, — а я так и не оставил в мире никакого следа. Впрочем, мое всепоглощающее писательское рвение какой-то там войне было не остановить. Каждую субботу в час дня, покончив с недельными трудами, я чуть не бегом бежал в офицерский клуб, устраивался в уголке зала, заполненного дымом, пересудами и шуршанием газет, и на протяжении трех месяцев каждый божий уик-энд валял роман в сто двадцать тысяч слов. Мне было не до правки — на это не оставалось времени. Закончив очередную главу, я отсылал ее машинистке в Принстон.

Сам я в то время жил на этих страницах, исписанных нечетким карандашом. Построения, марш-броски и «Простые задачи для пехоты» были неким расплывчатым сном. Я всей душой сосредоточился на своей книге.

В полк я уехал с радостью. Я написал роман. Пусть теперь война продолжается, если хочет. Я забыл про полифонию и пентистопники, про сравнения и силлогизмы. Я был произведен в лейтенанты, получил назначение в Европу — и тут от издателей пришло письмо, сообщавшее, что, хотя они сочли «Романтического эгоиста» самым оригинальным произведением из всех, какие попадали к ним за последние годы, опубликовать его они не могут. Текст сырой, и произведение заканчивается ничем.

Спустя полгода я оказался в Нью-Йорке и вручил свою визитную карточку секретарям главных редакторов семи газет, с просьбой взять меня репортером. Мне стукнуло двадцать два года, война закончилась, так что теперь я собирался днем выслеживать убийц, а по ночам писать рассказы. Оказалось, что газетам я не нужен. Секретарей послали мне передать, что я им не нужен. Один вид моего имени на визитной карточке сразу сказал им о том, что я совершенно не гожусь в репортеры.

Вместо этого я стал сотрудником рекламной фирмы, за девяносто долларов в месяц, — сочинял зазывные фразы, которыми разгоняют скуку во время долгих поездок на сельских автобусах. После работы я писал рассказы — с марта по июнь. Всего их

было написано девятнадцать штук: один я сочинил всего за полтора часа, другой мучил целых три дня. Никто их не купил, никто не прислал никаких объяснительных писем. По стенам моей комнаты было развешано сто двадцать два издательских уведомления об отказе. Я писал киносценарии. Я писал тексты песен. Я писал сложные планы рекламных кампаний. Я писал стихи. Я писал скетчи. Я писал анекдоты. К концу июня удалось продать один рассказ за тридцать долларов.

Четвертого июля, проникнувшись полным отвращением к самому себе и ко всем редакторам, я отправился домой в Сент-Пол и сообщил родным и друзьям, что уволился с работы и приехал писать роман. Они вежливо покивали, сменили тему и обошлись со мной крайне бережно. Однако на сей раз я уже знал, что делаю. Теперь мне нужно было любой ценой закончить свое произведение, и целых два жарких летних месяца я творил, переписывал, компоновал и сокращал. Пятнадцатого сентября «По эту сторону рая» был принят к изданию, о чем мне сообщили курьерской почтой.

За следующие два месяца я написал восемь рассказов, а продал девять. Девятый купил тот же самый журнал, который отверг его четырьмя месяцами раньше. А потом, в ноябре, я продал свой самый первый рассказ в «Сатердей ивнинг пост». К февралю удалось продать полдюжины. Потом вышел роман. Потом я женился. А теперь сижу и гадаю, как же это могло так получиться.

Говоря словами бессмертного Юлия Цезаря, «этим все сказано, добавить нечего».

Это журнал¹

*При участии группы знаменитых персонажей
из мира американской периодики*

Сцена представляет собой обширное сырое и рыхлое пространство пустой журнальной полосы, где главное — не порох сражений, а бумага и популярность. Занавес украшен изображением особы верхом на лошади, выполненным в пять красок. Одной рукой она подносит чашку чая к своим глянцевым губам, другая же изогнута в сложном замахе, оценить который способны лишь игроки в гольф; ее изумительным, слегка подкрашенным глазам приходится одновременно следить и за движением той чашки, что в руке, и за сохранностью другой, водруженной на томик изящной поэзии. Когда занавес поднимается, появляется задник в виде коллажа из журнальных обложек. Из мебели только стол, на котором лежит одно-единственное периодическое издание, воплощающее абстрактное понятие журнала, и несколько густо покрытых рекламными объявлениями кресел, где сидят актеры. Каждый держит плакатик с именем персонажа, которого изображает. К примеру, Повесть Эдит Уортон держит плакат с надписью: «Автор — Эдит Уортон, в трех частях».

Рядом с левой ложей (но не в ней!) стоит джентльмен в нижнем белье с гигантским плакатом, который сообщает: «ЭТО ЖУРНАЛ».

¹ Эссе «This is a Magazine» опубликовано в журнале «Vanity Fair» в декабре 1920 г.

Занавес поднимается, и зрители видят, что Повесть Эдит Уортон пытается навязать задушевную беседу немного высокомерному персонажу по имени Британский Роман с Продолжением.

Повесть Эдит Уортон (*с оттенком горечи в голосе*). И прежде чем я успела проявить хоть немного своего утонченного остроумия, я оказалась буквально затиснутой между отвратительным анекдотом из еврейского быта и... и вот этим недо-разумением рядом со мной.

«Этим недо-разумением» оказывается очень вульгарный, простонародный тип Бейсбольный Треп, вольготно растянувшийся в кресле.

Бейсбольный Треп. Уж не про меня ли сказ, дамочка?

«Дамочка» отвечает ледяным молчанием в духе Генри Джеймса. Вообще, она смахивает на леди, которая всю жизнь провела в трехкомнатных апартаментах и чью нервную систему изрядно потрепали мальчишки-лифтеры.

Бейсбольный Треп (*громко разговаривает сам с собой*). Сунули бы в журнал хоть одного приличного парня, с которым можно на пару потрепаться всласть!

Детективный Рассказ (*нервным шепотом*). У меня в третьем абзаце есть такой. Но, чур, осторожнее, не испортите мои остроумные реплики!

Бейсбольный Треп (*игриво*). А ежели и вставлю чего! Ха-ха-ха!

Британский Роман с Продолжением (*обращаясь к Повести Эдит Уортон*). Не подскажите, кто эта малютка-новелла рядом с От Редактора? Не думаю, что видел ее с тех пор, как начал печататься.

Повесть Эдит Уортон (*понижая голос*). Дорогой мой, да она никто. Если не ошибаюсь, никакой родословной — только прошлое.

Британский Роман с Продолжением. Ей присуще определенное очарование, но сюжет крайне вульгарен.

Бейсбольный Треп (*обращаясь к Детективному Рассказу, грубовато*). Как бы благородный герцог не лопнул от важности! Ух ты! А что за старый хрен дрыхнет на собственном рекламном объявлении?

Детективный Рассказ. Это Роман Роберта Чемберса. Он в этом выпуске заканчивается.

Бейсбольный Треп. А симпатичная малявка рядом с ним! Новенькая, штоль?

Детективный Рассказ. Новенькая и ужасно запуганная.

Бейсбольный Треп. Будто писана мягким карандашиком.

Детективный Рассказ. А как разодела! Ужасная безвкусица, иллюстрации стоят дороже, чем она сама.

Несколькими стульями далее Любовный Стишок нежно наклоняется через соседку к другому Любовному Стишку.

Первый Любовный Стишок. Я обожаю ваши формы!

Второй Любовный Стишок. Вы тоже довольно привлекательны — во второй строке. Вот только размер немного напряжен.

Первый Любовный Стишок. Вы — цезура в средоточии всех моих строк. Увы! Кто-то вырежет вас и приклеит к зеркалу — или отправит к своей возлюбленной с пометкой: «Разве это не мило!» — прямо у вас на лбу накорябает. Или вставит вас в рамочку.

Второй Любовный Стишок (*застенчиво*). Думаю, теперь вам лучше вернуться на свою страницу.

В этот момент Роман Роберта Чемберса, вздрогнув, просыпается и ревматической походкой ковыляет к Повести Эдит Уортон.

Роман Роберта Чемберса (*голосом астматика*). Могли я присоединиться к вам?

Повесть Эдит Уортон (*едко*). Мне показалось, вас вполне устраивало общество этой сентиментальной штучки, с которой вы флиртовали за рекламными объявлениями.

Роман Роберта Чемберса. Напротив, она нагоняет на меня тоску. Каждый персонаж в ней рождается в законном браке. Ну да хоть какое-то облегчение после всей этой коммерческой болтовни.

Британский Роман с Продолжением. Скажите спасибо, что вас не поместили между двумя зловонными рекламами мыла. (*Он указывает на предмет у своих ног, который смахивает на парализованного гнома.*) Полбуйтесь! Вот мое Краткое

Содержание Предыдущих Частей. Неудивительно, что все опять запутались в сюжете.

Роман Роберта Чемберса. Слава богу, моя публикация окончена! Хотя случались за эти восемь месяцев кое-какие неприятные переживания. В одном номере со мной шел Рассказ о Пенроде, так от него было столько шума, что я не слышал собственных любовных сцен!

Повесть Эдит Уортон (*желчно*). Не велика потеря. Любая продавщица может заполнить этот пробел с закрытыми глазами.

Роман Роберта Чемберса (*кисло*). Дорогая леди, ваша кульминация весьма и весьма сомнительна.

Повесть Эдит Уортон. По крайней мере, она у меня есть. А о вас все отзываются как об ужасной тягомотине.

Бейсбольный Треп. Ну, наши важные шишки друг другу заскучать не дадут!

Повесть Эдит Уортон. Вашего мнения никто не спрашивал!

Бейсбольный Треп. Да ладно тебе! Ты вся раздулась от многоточий!

Повесть Эдит Уортон. Во всяком случае, не от сомнительных метафор!

Роман Роберта Чемберса. Слабовато парируете! Подобный юмор к лицу лишь колумнистам!

Зычный голос с ораторскими интонациями
перекрывает их перебранку. Это...

Политическая Статья. Да полно вам! Нет места неприимости! Не существует узла, завязанного так, чтобы нам не выйти из лабиринта!

Новелла Без Роду-Племени (*робко*). Дорогие друзья, это милый, уютный мир. Так что не отравляйте свои слабые легкие гадкими, нехорошими словами.

Британский Роман с Продолжением. Опять эти призраки портеровских героинь!

Новелла Без Роду-Племени. Вам не понять, что такое оскорбление, пока вас не вернут с пометкой на конверте: «Завербуйся на флот»!

Британский Роман с Продолжением. Если бы меня выудили из мусорной корзины, я бы не стал этим хвастаться!

Бейсбольный Треп. Отлезь от нее, она девчонка честная! Ща как врежу тебе прямо в финал!

Они вскакивают с мест и с угрожающим видом расправляют плечи. Остальные заражаются их волнением: Откровение Бэзила Кинга забывает о своих доверчивых королевах и заливается слезами; Статья Об Эффективном Спросе, потеряв голову, мечется по всему номеру, и даже иллюстрации выпрыгивают из рамок, причем скромные полутонные в демократическом раже пытаются обогнать фотогравюры. Всеобщий ажиотаж распространяется даже на рекламные объявления. Мистер Мэдисон Уимз из Сиэтла падает в банку с кольдкремом «Без волос». Силач и здоровяк После Употребления бессильно повисает на телефонной трубке; Курс Начинаящего Литератора покрывается Крысиным Ядом. Кровяное давление взлетает вместо тиража.

Какое-то время на сцене творится настоящий хаос, и, когда уже кажется, что минуты этого журнала сочтены и пронумерованы, как и его страницы, Содержание — энергичный джентльмен, до сих пор сидевший в партере незамеченным, — громовым голосом провозглашает в мегафон: «ПО МЕСТАМ! ЧИТАТЕЛЬ!» Воцаряются тишина и темнота, затем наползают глянцевые глазищи наездницы с обложки в пяти красках.

Из темноты доносится голос, и в великой тишине он похож на Глас Божий.

Голос. Интересно, найдется ли тут что-нибудь интересенькое почитать. Ух какая краля-то на обложке!

Шутка Номера. Хи-хи-хи! (Это старческое, гротескное, ужасающее хихиканье.)

Лампы освещают по-прежнему опущенный занавес, перед которым сидит одинокий читатель, рабочий сцены. На его лице — выражение торжественной и всепоглощающей скуки. Он читает журнал.

Три города¹

Впервые оно возникло в Париже, это ощущение — мимолетное, по большей части литературное, поверхностное ощущение, что мир становится темнее. Мы тщательно реконструировали старую теорию и, будучи оба блондинами, бросали надменные взгляды на смуглых детей, играющих вокруг. Мы оставили Америке менее чем полпроцента. Американской, но строптивой и сентиментальной живительной силе было суждено вырасти в нас. В нас кипело древнее негодование против французов. Мы час просидели перед домом Анатоля Франса — в надежде, что старый джентльмен выйдет оттуда, но в то же самое время думали, что, когда он умрет, Франция во пламени и славе умрет вместе с ним. Мы ездили в *Bois de Boulogne*², считая Францию испорченным и мстительным дитятей, которое вот уже двести лет держит Европу в смятении, а последние сорок из них призывает встать на ее сторону в сражениях, чтобы континент как можно дольше оставался кровавой клоакой.

В Brentano рядом с «Café de la Paix» я за три доллара отхватил запрещенного драйзеровского «Гения» — после «Титана»

¹ Эссе «Three Cities» опубликовано в журнале «Brentano's Book Chat» в сентябре–октябре 1921 г.

² Булонский лес (*фр.*).

я люблю его больше всех остальных пяти романов, несмотря на нелепый эпизод с христианской наукой в конце. Мы оставались в Париже достаточно долго, чтобы я успел дочитать «Гения» до конца.

Италия, которая для англичан то же, что Франция для американцев, пребывала в добром расположении духа. Как заметил некий французский комедиограф, мы неотвратно ненавидим наших благодетелей, посему я был рад увидеть Италию, отбросившую четырехлетнее нездоровое подавление желаний. Едва ли можно винить отряд итальянских солдат в том, что они во Флоренции поколотили даму из Омахи, которая отказалась уступить свое купе некоему полковнику. Еще бы, ведь эта нахалка ни слова не говорила по-итальянски! Так что вряд ли кто-то осудит карабинеров за то, что они разгневались. А что до тумачков, ну поколотили ее маленько — мальчишки есть мальчишки! По сложившейся традиции американское посольство в Риме длительное время пребывает в прямой зависимости от американской сентиментальной литературы, и я не сомневаюсь, что оно нашло повод умилиться естественности нравов строптивых берсальеров.

В Риме мы прожили две недели. Прелестное место. Мы пробыли две недели, хотя уехали бы через два дня, — могли бы уехать, если бы у нас не кончились деньги. Однажды я повстречал на улице Джона Картера, автора «Этой необузданной молодежи», и он ссудил меня чеком на тысячу лир. Мы всё потратили на мазь.

В Риме все просто молятся на эту мазь. Все постояльцы двух лучших отелей пострадали от напасти, которую хозяева называют «слишком мелкими для москитной сетки комарами». У нас в Америке они называются иначе.

Джон Картер одолжил нам «Элис Адамс», и мы читали ее друг другу вслух под сенью дома Цезаря. Благодаря Элис мы не умерли в Риме, как это случилось с очень многими менее удачливыми любителями литературы. «Элис Адамс» сполна искупает инфантильную напыщенность «Рэмси Милхолланда» и шутовской спиритуализм «Великолепных Эмберсонов». После трех отважных попыток одолеть «Лунатика» испытываешь райское наслаждение, читая автора, который умеет писать.

Умаслив билетного агента с помощью тысячи лир (это была идея агента, не наша), чтобы тот перехватил для нас купе у некоего старого генерала, мы сподобились выехать из Италии.

— *Vous avez quelque chose pour déclarer?*¹ — спросил нас таможенник рано утром на следующий день (правда, его французский был получше).

С огромным трудом я очнулся ото сна про итальянских нищих.

— *Oui!* — возопил я. — *Je veux déclare que je suis très, très heureux a partir d'Italie!*²

Наконец-то я смог понять, за что же французы так любят Францию. Они видели Италию.

Мы уже бывали в Оксфорде раньше — после Италии мы вернулись туда в сумерках, мы торжественно прибыли в дом, наводненный призраками призраков — романтическими, абсурдными или меланхолическими персонажами «Зловещей улицы», «Зулейки Добсон» и «Джуда Незаметного». Но что-то было не так на этот раз — случилось что-то непоправимое. Здесь был Рим — здесь, на Хай-стрит, бродили тени с Аппиевой дороги. И сколько-то лет спустя будут наши потомки приближаться к этим руинам с надменными взорами, дабы купить открытки у представителей низшей расы — тех, кто когда-то были англичанами. Очень скоро — ибо деньги стремятся в богатые земли, к здоровым истокам, а искусство раболепно следует за деньгами. Пробьет и твой час, Нью-Йорк, лет через пятьдесят—шестьдесят. Голова Аполлона отчаянно вглядывается в новые знамена, развевающиеся на острие грядущего века, знамена, которые нашему поколению уже не суждено увидеть.

¹ У вас есть о чем заявить? (*фр.*)

² Да! Я хочу заявить, что счастлив покинуть Италию! (*фр.*)

Что я думаю и чувствую в возрасте 25 лет¹

Он остановил меня на улице. Он был стар, но не был мореходом. У него имелись седая борода и огонь в глазах. Какой-то, полагаю, друг семьи или вроде того. — Послушай, Фицджеральд, — начал он. — Нет, ты послушай! Скажи-ка мне, с какого такого-сякого-этакого... с какого человеку твоих лет разводить на бумаге этакий пессимизм? Смысл-то в чем?

Я попытался отделаться от него насмешкой. В самом начале разговора он сообщил, что они с моим дедушкой в детстве дружили. После этого желание совращать его с пути истинного у меня исчезло. И я решил отделаться насмешкой.

— Ха-ха-ха! — произнес я подчеркнуто. — Ха-ха-ха! — А потом добавил: — Ха-ха! Ну что ж, до встречи.

И я попытался пойти дальше, но он цепко ухватил меня за руку и продемонстрировал недвусмысленные симптомы желания провести в моем обществе весь остаток дня.

— Когда я был молод... — начал он, а потом нарисовал привычную картинку, какую рисуют абсолютно все: каким великолепным, счастливым, беззаботным юношей он был в двадцать

¹ Эссе «What I Think and Feel at 25» опубликовано в журнале «American Magazine» в сентябре 1922 г.

пять лет. То есть пересказал мне все то, что, по его нынешним мыслям, было у него в мыслях в его туманном прошлом.

Я не стал его прерывать. Время от времени я даже вежливо мычал, дабы изобразить удивление. Когда-нибудь я ведь и сам стану проделывать то же самое. Я сотворю для молодого поколения образ Скотта Фицджеральда, который — тут сомневаться не приходится — в данный момент не удалось бы опознать ни одному из моих современников. Но ведь к тому времени они тоже состарятся; и они будут уважать мой образ, как я буду уважать созданные ими...

— Так вот, — завершил беспечальный старикашка, — сейчас ты молод, здоров, сумел разбогатеть, счастлив в браке, достиг больших успехов в тот период жизни, когда еще не поздно ими насладиться, — так, может, поведаешь невинной дряхлой душе, зачем ты пишешь эти...

Тут я не выдержал. Ладно, скажу. Я начал:

— Ну, понимаете ли, сэр, мне представляется, что с возрастом человек делается более уязви...

Дальше я не продвинулся. Стоило мне раскрыть рот, как он торопливо пожал мне руку и отчалил. Слушать он не хотел. Ему было совершенно неинтересно, почему я думаю то, что думаю. У него просто возникла потребность выговориться, а тут я подвернулся под руку. Его удаляющаяся фигура исчезла, слегка покачиваясь, за ближайшим углом.

— Ладно, старый зануда, — пробормотал я. — Не хочешь — не слушай. Все равно ничего не поймешь.

Я от души пнул бордюрный камень, выместив на нем обиду, и пошел дальше.

Таков был первый случай. Второй приключился, когда не так давно ко мне явился репортер из большого газетного синдиката и сказал:

— Мистер Фицджеральд, по Нью-Йорку поползли слухи, что вы и... ах... вы и миссис Фицджеральд намерены по достижении тридцатилетнего возраста покончить с собой, поскольку средний возраст внушает вам ужас и отвращение. Я хотел бы помочь вам предать это событие огласке, поместив его на передовицу пятисот четырнадцати воскресных газет. В одном углу страницы мы расположим...

— Ни слова! — воскликнул я. — Я и так знаю: в одном углу страницы вы расположите обреченную чету — она с мороженым, пропитанным мышьяком, он с восточным кинжалом. Глаза обоих устремлены на огромные часы, а на циферблате — череп и кости. В другом углу вы поместите большой календарь, где дата будет отмечена красным.

— Вот именно! — вскричал репортер в порыве энтузиазма. — Вы верно схватили суть. Ну, так и как же мы...

— Послушайте! — оборвал я его сурово. — Слух этот — полный бред. Абсолютный. Когда мне исполнится тридцать лет, я уже не буду тем же человеком — я буду другим. Даже тело у меня будет другим, потому что я когда-то прочитал про это в книжке, и мировоззрение у меня будет совсем другое. Я даже буду женат на другом человеке.

— Ага! — прервал он, и глаза его вспыхнули; он вытащил блокнот. — Это очень интересно.

— Нет-нет-нет! — поспешно выкрикнул я. — В смысле, жена тоже будет другой.

— Я понял. Вы собрались разводиться.

— Да нет! Я хотел сказать...

— Ну, это не так важно. Но чтобы в сюжете было какое-то наполнение, там должно быть много упоминаний про поцелуйные вечеринки. Вы, случайно, не считаете, что... кхм... петтинг-вечеринки представляют серьезную угрозу Конституции? И, да, для внутренней связи, можем мы упомянуть, что именно петтинг-вечеринки стали основной причиной вашего самоубийства?

— Послушайте! — прервал я его в отчаянии. — Постарайтесь уразуметь: я понятия не имею, какое петтинг-вечеринки имеют к этому отношение. Я всегда боялся состариться, потому что с возрастом неизбежно возрастает уязви...

Но, как и в случае с другом семьи, дальше мне продвинуться не удалось. Репортер страстно стиснул мою руку. Пожал. Потом пробормотал что-то о том, что ему еще брать интервью у хористки, у которой лодыжка, по слухам, из чистой платины, и поспешно ретировался.

Таков был второй случай. Как вы видели, мне удалось сообщить обоим собеседникам, что «с возрастом повышается уязви...». Оказалось, что им это решительно неинтересно. Старик говорил

о себе, а репортер — о петтинг-вечеринках. Стоило мне заикнуться об «уязви...», оказалось, что у обоих есть другие дела.

И тогда, возложив одну руку на Восемнадцатую поправку, а другую — на серьезную часть Конституции, я принес торжественную клятву, что рано или поздно поведаю кому-нибудь свою историю.

Совершенно логично, что по мере того, как человек стареет, повышается его уязвимость. Например, три года назад меня мог обидеть один-единственный человек: я сам. Если, например, жена моего лучшего друга оставалась без волос, потому что их выдрала электрическая стиральная машина, я, понятное дело, переживал. Я произносил перед другом длинную речь, где часто повторялось слово «старина», а завершал ее цитатой из Прощального послания Вашингтона. Однако, закончив, я отправлялся в хороший ресторан и там с удовольствием ужинал. Когда мужу моей троюродной сестры маникюрша перерезала артерию, я не скрывал своего глубочайшего расстройствa. Однако, услышав эту новость, я не упал в обморок, и меня не пришлось везти домой в первом попавшемся прачечном фургоне.

Короче говоря, я был практически неуязвим. Я, как оно и полагается, испускал стон, если тонуло судно или сходил с рельсов поезд; но, как мне представляется, если бы весь город Чикаго вдруг канул в Лету, это вряд ли помешало бы мне как следует выспаться ночью — при условии, что никто бы мне не намекнул, что следующим на очереди стоит Сент-Пол. Но даже и тогда я бы попросту переправил свои пожитки в Миннеаполис и спал бы дальше.

Но то было три года назад, когда я еще был молод. Мне было всего-то двадцать два года. Когда мне случалось сказать нечто, что не нравилось литературным критикам, им достаточно было воскликнуть: «Боже, какая неискушенность!» Это заставляло меня притихнуть. Клейма «неискушенность» хватало.

Так вот, теперь мне уже двадцать пять, и я перестал быть неискушенным — по крайней мере, глядя в обычное зеркало, я там никакой неискушенности не вижу. Зато я стал уязвимым. Уязвимым во всех отношениях.

На потребу налоговым агентам и кинорежиссерам, которым, возможно, попадет в руки этот журнал, поясню, что «уязвимость» — это то же самое, что и «ранимость». Так вот все просто.

Я теперь сделался ранимее. Можно ранить мою грудь, мои чувства, мою челюсть, мою платежеспособность; можно также ранить мою собаку. Я понятно выражаюсь? Мою собаку.

Нет, речь идет не о новой части тела, только что открытой Институтом Рокфеллера. Я имею в виду настоящую собаку. Я имею в виду, что, если кто-нибудь сдаст нашего семейного пса в собачий отлов, моя душевная рана будет немногим меньше собачиной. Тем самым этот негодяй ранит мою внутреннюю собаку. А если наш врач скажет мне завтра: «Ваш ребенок не вырастет светловолосым», он ранит меня туда, куда раньше меня ранить было невозможно, потому что раньше у меня не было ребенка, в которого можно было ранить. А если, когда моя дочь вырастет и ей стукнет шестнадцать, она сбежит с каким-нибудь типом из Сион-Сити, пребывающим в уверенности, что Земля плоская, — я бы, кстати, не стал этого писать, но пока ей всего полгода и читает она не очень, так что дурных мыслей я ей в голову не вложу, — ну так вот, мне нанесут очередную рану.

В то, как могут ранить вашу жену, я вдаваться не стану, слишком уж предмет деликатный. И никаких личных примеров приводить не буду. Однако, по определенным личным причинам, мне известно: если кто-то говорит вашей жене, что не стоило бы ей носить желтое, поскольку в нем она выглядит очень бледной, шесть часов спустя слова этого человека начинают доставлять вам несказанные страдания.

«Доберись до него через жену!» «Похитить его ребенка!» «Привяжи жестянку к хвосту его пса!» Сколь часто мы слышим эти призывы в жизни — я уж не говорю о фильмах. И как меня подиравает от них по коже! Три года назад можно было орать их у меня под окном всю летнюю ночь, и я бы и глазом не моргнул. Единственное, что могло меня пробудить, это слова: «Погоди-ка. Похоже, отсюда я запросто в него попаду».

Раньше у меня было примерно десять квадратных футов кожи, уязвимых для насморка и простуды. Теперь их около двадцати. Сам я не слишком увеличился в размерах, но в эти двадцать футов входит и кожа моих родных — так что, говоря фигурально, я увеличился, потому что, если насморк или простуда одолевает любой из этих двадцати футов кожи, трястись в лихорадке начинаю именно я.

Вот так вот я неспешно вступаю в средний возраст, ибо средний возраст — это не накопление прожитых лет, а накопление близких людей. Не имея детей, любые деньги можно растягивать до бесконечности. Двум людям нужны комната и ванная; паре с ребенком нужен номер люкс для миллионеров на солнечной стороне отеля.

Позвольте же мне начать религиозный раздел этой статьи словами, что если редактор полагал получить нечто пышущее юностью и счастьем — да, а также неискушенностью, — то придется мне отправить его к своей дочери — если она, конечно, согласится диктовать под запись. Если кто-то полагает меня неискушенным, пусть поглядит на нее — от ее неискушенности меня разбирает смех. Ее, кстати, тоже разбирает смех от собственной неискушенности. Если бы какой литературный критик ее увидел, у него бы случился нервный срыв прямо на месте. С другой стороны, любой человек, который пишет письмо ко мне — будь он редактором или кем-либо еще, — пишет человеку среднего возраста.

Итак, мне двадцать пять лет, и я должен признать, что определенная часть этого срока внушает мне удовлетворение. Я имею в виду, что первые пять лет прошли довольно неплохо, — а вот следующие двадцать! Они состояли из самых что ни на есть ярких контрастов. Кстати, это произвело на меня такое сильное впечатление, что время от времени я даже брался рисовать диаграммы, пытаюсь вычислить, в какие годы я был наиболее счастлив. А потом впадал в бешенство и рвал их в куски.

Пропустим долгую череду ошибок, из которых состояло мое отрочество, и начнем с того, что в пятнадцать лет я отправился в частную школу и попусту убил там два года, ставшие годами глубокого и бессмысленного несчастья. Несчастлив я был оттого, что попал в положение, где все считали, что я должен вести себя точно так же, как и они, — а мне не хватало мужества закрыть рот и поступать по-своему вопреки всему.

Например, у нас в школе был один недалекий малый по имени Перси, и по некой неведомой причине мне было крайне важно заслужить его одобрение. Ради этой сомнительной почести я позволил той невеликой части своего разума, которая была уже более или менее возделана, вернуться к состоянию непрореженного

подлеска. Я часами торчал в волгллом спортивном зале, идиотски постукивая изгвазданным баскетбольным мячом, доводя себя до волглой изгвазданной ярости, — хотя на деле мне хотелось вместо этого пойти погулять.

Все это делалось ради того, чтобы произвести впечатление на Перси. Он считал, что жить нужно именно так. Если вы не занимались каждый день этим волглым бредом, вас объявляли «придурком». Это было его любимое слово, и оно меня страшно пугало. Я не хотел быть придурком. Предпочитал ходить изгвазданным.

Кроме того, на уроках Перси отличался редкостной тупостью; поэтому и я решил прикидываться тупым. Если мне случалось писать рассказы, я писал их исподтишка, чувствуя себя преступником. Если у меня рождалась некая мысль, которая не пролезала в дивную пустую голову Перси, я тут же отказывался от этой мысли и чувствовал себя виноватым.

Понятное дело, ни в какой университет Перси не поступил. Он нашел работу, и с тех пор мы почти не виделись, хотя, насколько мне известно, он весьма преуспел на поприще гробовщика. Время, проведенное в его обществе, было потрачено зря. В смысле, ему нечего было мне дать, и я не имею ни малейшего понятия, почему меня занимали его слова и мысли. Однако осознал все это я слишком поздно.

Хуже всего было то, что так оно и продолжалось до самых моих двадцати двух лет. В смысле, я с удовольствием занимался чем-то, что мне нравилось, пока кто-то не начинал качать головой и говорить:

— Послушай-ка, Фицджеральд, бросай ты это дело. Этим занимаются только... только придурки.

Слово «придурки» неизменно оказывало должное действие, я бросал заниматься тем, чем хотел заниматься и чем заниматься у меня получалось, и начинал заниматься тем, что мне навязывал очередной тип. Впрочем, время от времени я все-таки посылал очередного типа к черту; в противном случае я бы вообще ничего никогда не довел до конца.

В учебном офицерском лагере в 1917 году я начал писать роман. Я приступал к этому каждую субботу в час дня и трудился

как каторжный до полуночи. Потом продолжал с шести утра до шести вечера в воскресенье — в шесть вечера мне полагалось вернуться в казарму. Мне это занятие страшно нравилось.

Через месяц ко мне с хмуростью на лицах подошли трое друзей:

— Слушай, Фицджеральд, в выходные положено отдохнуть, развеяться. А так, как ты, выходные проводят одни придурки!

Это слово меня убедило. По спине пробежал привычный холодок. В следующие выходные я отложил роман в сторону, отправился с остальными в город и всю ночь протанцевал на какой-то вечеринке. По ходу танцев я переживал за судьбу своего романа. Переживал так, что в лагерь вернулся не отдохнувшим, а совершенно издерганным. Вот это уж точно была настоящая придурь. Больше я в город не ездил. Дописал роман. Его отвергли; однако год спустя я его переделал, и он был опубликован под названием «По эту сторону рая».

Однако, перед тем как его переделать, я составил перечень «придурей», списав их с людей, которых можно было бы выстроить в шеренгу, и она дотянулась бы до ближайшей психбольницы. Итак, вы придурок, если вы:

1. Обручились, не скопив денег на свадьбу.
2. Бросили рекламный бизнес, проработав там всего три месяца.
3. Вообще хотите писать.
4. Думаете, что можете писать.
5. Пишете «о глупых мальчишках и девчонках, про которых никто не хочет читать».

И так далее, пока год спустя не выяснилось, что все просто шутили, а на деле всю жизнь верили, что писательство — мое единственное призвание и страшно хотели мне об этом сказать, едва языки сдерживали.

Впрочем, я еще слишком молод, чтобы извлекать из собственного жизненного опыта нравственные уроки для молодежи. Это занятие я приберегу до собственного шестидесятилетия, а там, как уже сказал, сочиню такого Скотта Фицджеральда, что Бенджамин Франклин покажется с ним рядом чистым счастливым, непонятно как пролезшим к славе. Даже в этой статье я уже успел наметить себе пунктиром небольшой, но симпатичный

Содержание

ОТЗВУКИ ВЕКА ДЖАЗА

Кто есть кто — и почему. <i>Перевод А. Глебовской</i>	7
Это журнал. <i>Перевод Е. Калявиной</i>	11
Три города. <i>Перевод Е. Калявиной</i>	16
Что я думаю и чувствую в возрасте 25 лет <i>Перевод А. Глебовской</i>	19
Как бы я продавал свою книгу, будь я книготорговцем <i>Перевод Е. Калявиной</i>	32
Десять лучших книг, прочитанных мною. <i>Перевод Е. Калявиной</i> ...	34
Воображение — и несколько матерей. <i>Перевод А. Глебовской</i>	35
Мой самый позорный поступок. <i>Перевод Е. Калявиной</i>	45
В чем виноват несчастный поцелуй, если девушка — ветеран многочисленных петтинг-вечеринок склонна к интрижкам и после замужества? <i>Перевод Е. Калявиной</i>	47
Все ли женатые мужчины временами бунтуют? <i>Перевод Е. Калявиной</i>	54
Что за муж получится из Джимми? <i>Перевод Е. Калявиной</i>	56
Как жить на 36 000 долларов в год. <i>Перевод А. Глебовской</i>	64
Как жить целый год практически бесплатно <i>Перевод А. Глебовской</i>	79
«Подождите, пока у вас не появятся собственные дети!» <i>Перевод А. Глебовской</i>	99

Что случилось с нашими фифами и шейхами? <i>Перевод А. Глебовской</i>	112
Как разбазаривать материал: Заметки о моем поколении <i>Перевод А. Глебовской</i>	119
Принстон. <i>Перевод А. Глебовской</i>	126
Десять лет в рекламном бизнесе. <i>Перевод А. Глебовской</i>	139
Краткая автобиография (которой не было бы без Нейтана) <i>Перевод А. Глебовской</i>	141
Искусство торговли на Елисейских Полях <i>Перевод Е. Калявиной</i>	145
Девушки верят в девушек. <i>Перевод А. Глебовской</i>	147
Отзвуки Века Джаза. <i>Перевод А. Зверева</i>	154
Мой невозвратный город. <i>Перевод А. Зверева</i>	166
Сто фальстартов. <i>Перевод А. Глебовской</i>	179
Ринг. <i>Перевод А. Зверева</i>	190
«Проводите мистера и миссис Ф. в номер...» <i>Перевод Е. Калявиной</i>	197
Аукцион образца 1934 года. <i>Перевод Е. Калявиной</i>	214
Засыпая и пробуждаясь. <i>Перевод Е. Калявиной</i>	222
Крушение. <i>Перевод А. Зверева</i>	228
Склеивая осколки. <i>Перевод А. Зверева</i>	235
Осторожно! Стекло! <i>Перевод А. Зверева</i>	242
Дом литератора. <i>Перевод Е. Калявиной</i>	248
Литератор на склоне дня. <i>Перевод Е. Калявиной</i>	256
Мать литератора. <i>Перевод Е. Калявиной</i>	263
Книга книг. <i>Перевод Е. Калявиной</i>	267
Ранний успех. <i>Перевод А. Зверева</i>	270
СТРАНСТВИЕ САМОХОДНОЙ РАЗВАЛЮХИ. <i>Повесть</i> <i>Перевод А. Глебовской</i>	277
ПРЕДИСЛОВИЯ И РЕЦЕНЗИИ	
«Бог — невидимый король» Герберта Уэллса <i>Перевод Е. Калявиной</i>	339
Балтиморский Антихрист. <i>Перевод Е. Калявиной</i>	340
«Три солдата» Джона Дос Пассоса. <i>Перевод Е. Калявиной</i>	344

«Желтый Кром» Олдоса Хаксли. <i>Перевод Е. Калявиной</i>	348
Шервуд Андерсон о проблемах брака. <i>Перевод Е. Калявиной</i>	351
Предисловие к «Великому Гэтсби». <i>Перевод А. Глебовской</i>	355
Предисловие к «Колониальным и историческим особнякам Мэриленда» Дона Суонна, 1939 <i>Перевод А. Глебовской</i>	359
 СТИХИ. <i>Перевод Е. Калявиной</i>	
Ода неразрезанной греческой книге	363
Предрассветный дождь	365
На пьесу, виденную дважды	366
Городские сумерки	367
Папа на исповеди	369
Уличное шествие	370
Моя первая любовь	372
Тысяча и один корабль	373
Лампа в окне	375
Апрельское письмо	376
 РАЗМАЗНЯ, или ИЗ ПРЕЗИДЕНТОВ В ПОЧТАЛЬОНЫ <i>Комедия в трех действиях</i> <i>Перевод В. Харитонова, Р. Черного</i>	
Примечания. <i>А. Гузман</i>	465

Фицджеральд Ф. С.

Ф 66 Заметки о моем поколении : повесть, пьеса, статьи, стихи / Фрэнсис Скотт Фицджеральд ; пер. с англ. А. Глебовской, А. Зверева, Е. Калявиной и др. — М. : КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2019. — 544 с. + вкл. (8 с.).

ISBN 978-5-389-08828-3

Фрэнсис Скотт Фицджеральд, возвестивший миру о начале нового века — Века Джаза, стоит особняком в современной американской классике. Плоть от плоти той легендарной эпохи, он отразил ее ярче и беспристрастнее всех. Эрнест Хемингуэй писал о нем: «Его талант был таким естественным, как узор из пыльцы на крыльях бабочки». Книга «Заметки о моем поколении» представляет признанного мастера тонкого психологизма сразу с многих сторон: здесь и не переиздававшаяся без малого век автобиографическая повесть «Странствие Самоходной Развалюхи», и полное собрание статей, виртуозно балансирующих на грани между художественной прозой и документальной, и подборка стихотворений, и единственная в его творческом наследии полноценная пьеса — «Размазня, или Из президентов в почтальоны»... Большинство вошедших в сборник произведений переведены впервые, а немногие старые переводы тщательно отредактированы и восстановлены.

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-44

Литературно-художественное издание

ФРЭНСИС СКОТТ ФИЦДЖЕРАЛЬД
ЗАМЕТКИ
О МОЕМ ПОКОЛЕНИИ

Редактор АЛЕКСАНДР ГУЗМАН

Художественный редактор ВАЛЕРИЙ ГОРЕЛИКОВ

Технический редактор ТАТЬЯНА РАТКЕВИЧ

Компьютерная верстка ЕЛЕНА ДОЛГИНОЙ

Корректоры ВАЛЕРИЙ КАМЕНДО, МАРГАРИТА АХМЕТОВА

Подписано в печать 12.08.2019. Формат издания 60 × 90 ¹/₁₆.
Печать офсетная. Тираж 3000 экз. Усл. печ. л. 34,5 (вкл. вклейку).
Заказ № .

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака „Издательство КоЛибри“
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1

Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге

191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А

ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»

Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».

170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А.

www.pareto-print.ru

Y-APR-16839-01-R